

ВАСИЛЬЕВА Н. В.

**К СЕМАНТИЧЕСКОМУ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ОПИСАНИЮ
ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Возникшая во второй половине XX в. тенденция к интернационализации языка науки обусловила возрастание роли классических языков как источника создания новых терминов и унификации старых. Поэтому специальное изучение греческих и латинских терминоэлементов стало одной из актуальных задач общего и частного терминоведения.

Преобладавший в практике терминологических исследований описательный подход позволил сделать лишь простую каталогизацию греко-латинских терминоэлементов. При этом обычно оставались вне поля зрения вопросы лингвистического (не науковедческого) анализа семантики этих специфических единиц языка. Не подлежит сомнению, что в чисто практическом плане индекс терминоэлементов, построенный с учетом их семантических особенностей (парадигматических и синтагматических), намного больше может дать терминологам-практикам, нежели простой алфавитный перечень. Ниже на материале лингвистической терминологии делается попытка определить и проанализировать греко-латинские терминоэлементы с точки зрения выражаемого ими смысла.

В терминоведческой литературе компоненты, выделяемые в составе термина, принято называть, вслед за Д. С. Лотте [1, с. 15], терминоэлементами. Существуют разные определения терминоэлемента, исходящие из анализа смыслового содержания термина и его составляющих. Каждое из них в той или иной мере испытало влияние определения Д. С. Лотте: терминоэлемент — это минимальная составная часть термина, имеющая явно выраженное терминологическое значение. К сожалению, в работах Д. С. Лотте нет четкого разъяснения того, что понимается под «явно выраженным терминологическим значением». В результате статус терминоэлемента в равной мере приписывается таким разнородным компонентам термина, как корневые морфемы, действительно служащие базой номинации, и деривационные морфемы, характерные для русского словообразования вообще (так, в термине *магнитность* выделяются, по Лотте, два терминоэлемента — *магнит-* и *-ность*). По-видимому, определение терминоэлемента через терминологическое значение следует считать *definitio per definiendum*. Не говоря уже о том, что проблема значения — одна из самых спорных в лингвистике (и поэтому понятие терминологического значения само требует строгого определения), мы можем говорить о явно выраженном терминологическом значении только в составе целого термина. Терминоэлемент, в отличие от целого термина, не выражает понятия, а только указывает на определенное терминологическое поле. Такое указание может осуществляться посредством выделения тех или иных признаков содержания понятия. Именно такова внутренняя логика определения терминоэлемента у Т. Л. Канделаки, которое сам автор считает уточнением определения Д. С. Лотте, но которое в сущности может рассматриваться как определение, исходящее из других оснований. Терминоэлементы, по Т. Л. Канделаки, — «это значащие части терминов, обусловленные признаками выражаемого термином понятия» [2].

Обращаясь к терминоэлементам греко-латинского происхождения, отметим, что определение их семантического содержания существенно об-

легчается в случаях, когда серия структурно однотипных терминов обозначает взаимосвязанные понятия одного онтологического уровня (ср. *префикс, суффикс, конфикс, инфикс, трансфикс*). Такая совокупность терминов образует терминологически ряд, изоморфизм членов которого придает большую смысловую конкретность компонентам термина. Именно в связи с такими цепочками структурно и семантически сопряженных терминов может возникнуть иллюзия семантической независимости терминологического элемента (явно выраженного терминологического значения, по Лотте). Но достаточно обратиться к одиночному или парадигматически не сопряженным терминам, как смысловая неопределенность вычленяемых из них терминологических элементов становится очевидной. Сравнивая, например, термины *флексия* и *циркумфлекс*, мы можем вычленить из них терминологический элемент *флекс*, но не можем приписать ему никакого «явно выраженного терминологического значения», кроме самого общего указания на некоторое терминологическое поле. Только соотнеся данные термины с их парадигмами (*циркумфлекс* — *акут* — *гравис*; *флексия* — *основа*, *флексия* — *агглютинация* — *фузия*), мы можем точнее очертить круг значений, связанный с терминологическим элементом *флекс*, и одновременно констатировать омонимичность элемента *флекс* в акцентологической и морфологической терминологии.

Итак, терминологический элемент можно определить как двустороннюю языковую единицу, обладающую в плане содержания не функцией номинации (точнее, не номинативно-дефинитивной функцией, которой обладает целый термин), а дейктической функцией: значение терминологического элемента сводится к указанию на определенное терминологическое поле. Поэтому мы вправе назвать соотносимую с терминологическим элементом семантическую единицу *дейктемой*. В связи с этим меняется сам принцип описания семантики греко-латинских терминологических элементов. Ведь для практических целей не всегда существенно значение греческого или латинского корня или аффикса, к которым восходит терминологический элемент, но важен тот смысл, который они заключают в себе в качестве строевых компонентов терминов. А терминологизированную единицу и исходный корень-этимон античных языков порой разделяет значительная семантическая дистанция. Так, элемент *-фикс*, характеризующийся дейктемой «указание на морфологическую структуру слова» (ср. *суффикс, аффикс, конфикс* и др.), существенно отличается от исходного латинского *fixus*, производного от глагола *figo* «вбивать, закреплять», или терминологический элемент *алло-* «указание на вариативность» — от греческого прилагательного *ἄλλο:* «иной, другой». Элемент *морф*, обыкновенно определяемый терминологически как «форма» < греч. *μορφή*, при рассмотрении в плане дейктичности перестает быть полидисциплинарным и разлагается на ряд междисциплинарных омонимов, не имеющих — на терминологическом уровне — ничего общего друг с другом, кроме греческого происхождения (ср. *морф* «указание на морфологический уровень» в лингвистике и *морф*, например, в биологии, характеризующийся дейктемой «указание на внутреннее строение»).

Семантическая неоднородность терминологических элементов даже внутри метаязыка одной дисциплины — лингвистики — очевидна. Прежде всего, дейктичность терминологических элементов может колебаться от предельно конкретного указания, исключающего варианты, например, *ди-, уни-, три-, а-, ретро-, пан-, интер-* (такие элементы, как правило, междисциплинарны), до самого общего указания на языковой уровень (элемент *морф, лекс*) или раздел языковедческой науки (ср. элемент *-ив:* *пассив, делатив, бенедиктив*, характеризующийся лишь обобщенной дейктемой «грамматические категории и формы»).

Кроме того, один и тот же элемент может указывать на разные терминологические ряды; назовем это свойство терминологического элемента полидейктичностью. Источник полидейктичности терминологического элемента может быть различен: 1) происхождение от исконно многозначного слова; например, от лат. *verbum* «слово» (1), «глагол» (2) имеем, соответственно, *верб₁* «указание на словесное выражение, связанность со словом» (ср. *универб*) и *верб₂* «связанность с глаголом» (ср. *девербатив*); 2) подверженность элемента семан-

тической трансформации уже в языке современной науки, как это произошло, например, с элементом *мета*, получившим в языке логики значение «построение высшего порядка» (ср. *метаязык, метатеория*), но не потерявшим — в частности, в лингвистической терминологии — и значения «указание на перенос, переход» (ср.: *метатония, метасемия*).

Наконец, если обратиться к целым терминам, построенным из греко-латинских терминологических элементов — а это необходимо, т. к. элементы интересуют нас не сами по себе, а как конститuentы терминов, — то окажется возможной еще одна классификация, связанная с понятием дейктивности. В опубликованной более двадцати лет назад статье В. П. Григорьева [3] говорилось об «обратном калькировании». При таком способе образования сложных терминов из греко-латинских терминологических элементов происходит своеобразный перевод («калькирование») исходных сочетаний русских слов, обозначающих признаки, представляющиеся авторам новых терминов наиболее показательными в новых предметах и явлениях, с последующим стяжением цепочки полученных «традуктем» в цельнооформленную лексическую единицу [3, с. 70—71]. Создание термина, пока еще не имеющего структурных аналогий, неизбежно сопряжено с использованием элемента в его собственном значении, т. е. прямо вытекающем из лексического значения слова-этимона в греческом или в латыни (назовем это свойство терминологического идиодейктивностью). Так, термин *топоним* в момент своего введения в терминологический обиход, безусловно, был ориентирован на понятия «имя» и «место». Как показывает история метаязыка лингвистики (и не только лингвистики), удачно созданный термин порождает модель, по которой образуются другие термины, и в этом случае мы констатируем утрату идиодейктивности у терминологического элемента, образующего каркас этой модели, и развитие у него собственно терминологической дейктивности. Это проявляется в определенной стандартизации значения и модели, конструируемой данным элементом (ср. модели на *-оним, -ика, -логия, -глоссия, -ема*). Идиодейктивностью здесь обладает лишь элемент, заполняющий готовую модель. Процедура «обратного калькирования» сокращена вдвое; свобода терминологирования сводится лишь к заполнению пустой клетки модели при наличии готового каркаса, который и определяет структурную мотивированность целого термина. Такие термины обычно признаются наиболее отвечающими системному принципу в терминологии («зная место в системе, знаешь термин; зная термин, знаешь место в системе»). Иллюстрацией сказанного может служить ситуация в ономастике: в силу сложившегося терминологического узуса ономаст уже не может избежать модели на *-оним* для обозначения разновидности собственного имени, но имеет полную свободу выбрать, скажем, вариант *несоним* < греч. νῆσος «остров» или *инсулоним* < лат. *insula* «то же». Иначе говоря, если оформитель модели задан как обязательный компонент, то ее заполнение зависит в значительной мере от собственного вкуса лингвиста и его восприимчивости к терминологической ситуации в своей области.

В том, что терминологическая модель служит ключом к пониманию термина, убеждает простое наблюдение: встречаясь с новым для него термином, лингвист обычно руководствуется в расшифровке его не столько денотативным значением компонентов, выводимым из семантики соответствующих лексем в классических языках, сколько сигнификативными отношениями этого термина (и его составляющих) к другим, уже известным терминам (и элементам). И это объясняется не только тем, что человек может быть недостаточно сведущ в классических языках, чтобы воспринимать новый термин сквозь этимологическую призму, а прежде всего тем, что всякая терминология действительно образует систему, существующую в виде автономной подсистемы в общем лексиконе языка.

В связи с этим возникает вопрос о лингвистическом статусе терминологического элемента среди прочих единиц языка. Поскольку сам термин, с лексикограмматической точки зрения, функционирует как слово (хотя и ограниченное сферой употребления в специальном подязыке) и поскольку терминологический элемент существует как значимый компонент термина, есть, ка-

залось бы, все основания считать терминологические термины обычными морфемами. Но это не так: морфемы всегда — принадлежность определенного языка, и в этом смысле они уникальны, терминологические же — достояние всех языков, и поэтому они универсальны. Кроме того, морфологическая членимость термина в большинстве случаев — иллюзия, если подходить к ней с позиций русского языка, ибо то, что мы получаем в результате такого членения, не поддается ясному морфологическому определению. Это особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда имеются синонимичные пары терминов русского и греко-латинского происхождения (ср. термин *приставка* с его прозрачной морфемной структурой, отражающей типичные модели русского словообразования, и его латинский прототип и эквивалент *префикс*, который при рассмотрении как слово русского языка неразложим на корневую и аффиксальную части). И если мы, вопреки морфологической логике русского языка, пожелаем видеть в терминах типа *аллофон*, *диалект*, *фонема* своего рода «нормальные» морфемы *алло-*, *-фон*, *диа-*, *-лект*, *-ема*, мы все равно встанем в тупик при попытке точного определения их морфемного статуса: какие из них и почему следует считать корневыми, а какие аффиксальными? У нас может сложиться обманчивое впечатление, будто такие слова, как *ксеногlossия* и *сенокос* построены по одному и тому же правилу современного русского словосложения (хотя в русском языке и нет корней *ксен-* и *-гloss*), однако в действительности перед нами случайное совпадение, и в первом слове — социолингвистическом термине — представлены не только греческие корни, но и типичная модель греческих *composita*. Ни то, ни другое не имеет прямого отношения к русской грамматике. Перед нами интернациональные элементы и интернациональная модель сложного термина. Английский язык, например, которому неизвестно словосложение русского типа с интерфиксом *-o-*, широко пользуется этой моделью в сфере терминологии на базе классических языков.

Таким образом, говорить о греко-латинских терминологических терминах как равноправных морфемах русского языка нельзя. С точки зрения русской грамматики это «морфемоиды» без ясного морфемного статуса и без строгой языковой прикрепленности, и название «терминологические» указывает именно на их интернациональный характер. Семантические, структурно-комбинационные и функциональные свойства таких «морфемоидов» проявляются не в стихии русского языка вообще, а в пределах специального метаязыка; деривационные возможности терминологии регулируются правилами, отличными от правил «нормального» русского словообразования. Не случайно Н. В. Юшманов считал необходимым говорить об особой «грамматике иностранных слов» именно в связи с изучением международной терминологии¹.

И все-таки при всей своей лексико-грамматической специфичности терминологические термины остаются единицами языка, и им свойственны те же типы отношений, что и прочим языковым единицам — парадигматические и синтагматические. Если отношения линейной сочетаемости (комбинации) образуют синтагматику терминологических терминов, то отношения нелинейной заменяемости (альтернатики) образуют их парадигматику. Эти отношения наиболее явно выступают в терминологических рядах. Например, ряд терминов, построенных на элементе *-лект*, позволяет выделить совокупность элементов, выступающих по отношению к *-лект* в качестве antecedентов (т. е. заполнителей модели «некоторый элемент + *лект*»), таких, как *диа-*, *социо-*, *этно-* и т. д. Каждый из них связан с элементом *-лект* синтагматическим отношением комбинации, а в совокупности они образуют синтагматическое поле терминологического термина *-лект*. С другой стороны, эти элементы-заполнители находят друг с другом в парадигматическом отношении альтернатики, т. е. образуют ассоциативную парадигму. Сам элемент *-лект* в свою очередь

¹ Это общее положение не меняется от того, что некоторые греко-латинские терминологические термины благодаря широкой известности и употребительности построенных на их основе терминов получили условные права гражданства в «Русской грамматике» 1981 г. (ср. элементы типа *-графия*, *-логия*, *-метр*).

входит, например, в синтагматическое поле элемента *диа-*, где представлены также элементы *-фон* и *-хрония*, образующие вместе с *-лект* другую ассоциативную парадигму.

Исходя из изложенных выше общих положений, рассмотрим на основе дейктемного анализа некоторые терминоэлементы, функционирующие в качестве оформителей продуктивных терминообразовательных моделей. Привлекаемые при этом данные античных языков позволяют показать как известную семантическую преемственность терминоэлементов по отношению к их прототипам, так и ту заметную дистанцию, которая отделяет современный термин от его греческого или латинского этимона.

Терминоэлемент *-логия*. Лингвистические термины, построенные с помощью этого элемента, отчетливо разбиваются на две группы. В первой группе терминов элемент *-логия* характеризуется дейктемой «указание на раздел или область лингвистики» (*морфология*, *фразеология*, *тюркология*, *эсперантология*), и в этом случае мы имеем дело со стандартной общенаучной моделью терминов, семантически немаркированной в пределах метаязыка лингвистики (ср. *антропология*, *истиология*, *лимнология*, *токсикология*). Сравнение различных словарей лингвистических терминов показывает неоднородность этой группы терминов, в которой, помимо устоявшихся, выделяются устаревшие термины (*историология*, *пасимология* = *лингвистика*) < итал. *glottologia*; *фонемология* = *фонология* < < нем. *Phonetologie*; *фономорфология* = *морфонология* < англ. (амер.) *phonomorphology*²]; термины, которые условно можно назвать паронимами; некоторые варианты таких терминов со временем вышли из употребления (*сематология* → *семасиология*, *ономатология* → *ономасиология*).

Вторая группа терминов с элементом *-логия* представляет собой тупиковые терминологические образования, в готовом виде заимствованные из древнегреческого языка (*баттология*, *дилогия*, *какология*, *периссология*; *брахилология*, *тавтология*, *гистерология*)³. По словам В. П. Григорьева, подобные элементы образуют «замкнутую группу, со стороны значения не представляющую единства» [3, с. 69]. Это действительно так; дейкτικότητα элемента *-логия*₂ можно определить лишь в самом общем плане как «указание на связанность со словом, речью». Однако многое проясняется, если обратиться к древнегреческому материалу — к *composita* со вторым компонентом *-λογία*, деривационно и семантически соотносимым с существительным *λόγος* и глаголом *λέγω* и унаследовавшим их полисемантическую [ср., например, *οἰνολογία* «налог на вино», *ἀνθολογία* «собрание цветов» (соотнесенность с *λέγω* «собирать»); *δογματολογία* «изложение доктрины» (соотнесенность с *λέγω* «пересказывать» и *λόγος* «повествование»); *ἱερολογία* «сакральная речь», *κακολογία* «дурной стиль» (соотнесенность с *λέγω* «высказывать, говорить» и *λόγος* в значении «слово»). Последнее значение компонента *-λογία* «слово, речь, стиль» вполне соотносимо с указанием на фигуры речи и речевые процессы, т. е. с той дейктемой, которой характеризуется *-логия*₂. Обращение к древнегреческому материалу позволяет не только выделить особую группу терминов, лишь структурно, а не семантически совпадающую с терминами на *-логия* в значении «наука», но и проследить процесс терминологизации модели, который можно представить в виде семантических шагов от значения «слово, речь» к значениям «знание, связанное со словом», затем «знание», «исследование» и, наконец, «учение, наука». Последнее значение представлено лишь в трех из двухсот *composita* с компонентом *-λογία*, приведенных в словаре К. Д. Бака [4]: *ἀστρολογία*, *θεολογία*, *φυσιολογία*, причем, как правило, в качестве вторичного (ср. *θεολογία*: 1) «слово к Богу», т. е. «молитва», 2) «теология»). В древнегреческом языке можно обнаружить лишь семантические предпосылки для

² Термин *фономорфология* в отечественной лингвистике иногда употребляется как копулятивное образование, имеющее значение «фонология + морфология».

³ Можно назвать только один искусственный термин в этой группе: *γαππολογία* < греч. *ἀπλοῦς* «простой» и *λόγος* «слово».

терминологизации модели, но не саму терминологизацию, возникшую в языке науки нового времени. Поэтому элементы *-логия₁* и *-логия₂* только в настоящее время превратились в элементы-омонимы, конституирующие термины разных терминологических рядов (ср. *интонология* vs. *гаплоглогия*).

Терминоэлемент *-ика*. В метаязыке лингвистики этот элемент полидейтителен: он содержит указание на 1) «совокупность однородных явлений, единиц, отношений» (*фоника, лексика, графика*) и 2) «область, раздел лингвистики» (*фонетика, русистика, ономастика*). Прототипами данных образований послужили древнегреческие субстантивированные прилагательные, выделившиеся из устойчивых словосочетаний посредством эллипсиса *τέχνη*, ср. *γραμματική* из *γραμματικὴ τέχνη* «искусство букв», «грамматика», *ὀνομαστική τέχνη* «искусство давать имена» (первые термины на *-ика*, обозначающие науки и умения, были заимствованы русским языком в XV—XVII вв. [см. 5], часто через латинское или польское посредство, на что указывает их акцентуация, ср. *грамматика* (лексикон Ф. Поликарпова) < польск. *gramatyka*; *грамматика* (грамматика И. Копиевского) < лат. *grammatica*).

В настоящее время по модели «элемент *+ика*» создано и продолжает создаваться большое количество терминов. Очень продуктивна данная модель, в частности, в славистике для обозначения ее разделов (ср. *русистика, словакистика, сорабистика*), причем, как правило, первая основа такого термина латинизирована (ср. *полонистика* < *Polonia*, *богемистика* < *Bohemia*). Прототипом терминов — названий разделов лингвистики с элементом *-ика* можно считать сам термин *лингвистика* (лат. *lingua* + греч. *-λογία*) — искусственное наименование, возникшее во французском языке в начале XX в. (*linguistique*) [6] и повлекшее за собой такие образования, как *англистика, арабистика, германистика, африканистика* и т. п. В терминах с элементом *-тика/-ика* выбор одного из этих вариантов обусловлен частично наличием греческого прилагательного-этимона с суф. *-τικός/τική* (ср. *ономастика* < *ὀνομαστικός*, *фонетика* < *φωνητικός*). При отсутствии такового обычно появляются формы на *-ика* (ср. *просодика, антропонимика*). Часто, однако, выбор варианта структурно непредсказуем, особенно это касается производных от эмических терминов. Так, с одной стороны, мы имеем термины *глоссематика* = *глоссема + тика*, *плерематика* = *плерема + тика*, а с другой — *графематика* = *графем(а) + ика*, *фонематика* = *фонем(а) + ика*.

Регулярность модели «элемент *+ика*» уменьшается под влиянием полисемии (на уровне целого термина, а не на уровне терминоэлементов). Этот факт сам по себе не приводит к терминологическим недоразумениям в силу разного для каждого из терминов терминологического контекста или, по А. А. Реформатскому, особой семантической парадигматичности [7]. Тем не менее наблюдается тенденция к устранению полисемии путем введения нового термина: так, *ономастика* в значении «собственные имена как объект науки» все чаще заменяется термином *онимия* [8].

Терминоэлемент *-графия*. В лингвистической терминологии этот элемент полидейтителен. Термины, образованные с его помощью, входят в разные терминологические ряды. Первый ряд терминов (*графия₁*) включает в себя названия лингвистических дисциплин, большей частью описательных и соотносимых с терминами на *-логия*, обозначающими дисциплины более общего порядка, ср. *лексикология* — *лексикография*, *диалектология* — *диалектография*, *терминология* — *терминография* (окказ.). Другую группу терминов (*графия₂*) составляют названия различных систем, типов и способов письма, например, *брахиграфия, идеография, пазиграфия, пиктография*, имеющие структурно-семантический прототип в древнегреческом языке, ср. *καλλιγραφία* «красивый почерк». Несколько особняком стоит термин *орфография* (*ὀρθογραφία* «правильное письмо»), т. к. уже в античной науке это наименование закрепилось за разделом грамматики и в таком виде было заимствовано русским языкознанием (см. подробнее [9]).

Семантические отношения, возникающие в лингвистической терминологии между полидейктивными элементами *-логия_{1,2}*, *-ика_{1,2}*, и *-графия_{1,2}* можно представить в виде следующей схемы, где знак = обозначает синонимию, ↔ — корреляцию, × — омонимию на уровне дейктем.

Терминоэлемент + *гlossия*. Модели с этим элементом положили начало термин Ч. Фергюсона *диглоссия* [10], обозначавший наличие в обществе по крайней мере двух вариантов коммуникативных средств, соотносенных с определенными сферами социально-экономической и культурной жизни и по-разному оцениваемых данным речевым коллективом («высокий — низкий»). Отчетливая структурная мотивированность модели (элемент *-гlossия* характеризуется дейктемой «указание на наличие разных коммуникативных вариантов языка», а первый элемент специфицирует характер употребления или существования этих вариантов) обеспечила ей большую продуктивность в терминологии социолингвистики, ср., например, термины *эндогlossия* vs. *экзогlossия* [11], *церогlossия*, *ойкогlossия*, *агорагlossия* и др. [12]. Обилие окказионализмов с элементом *-гlossия* показывает, помимо популярности этой новой модели, заметную индифферентность в выборе первого компонента (то, что мы назвали реализацией идиодейктивности терминоэлемента). Так, например, термин *церогlossия*, созданный Б. Бренном для обозначения наличия культового идиома [12, с. 12], у другого автора мог бы не в ущерб модели принять другую форму, предположим, *эклесиогlossия; термин *академогlossия* [12, с. 15] мог бы возникнуть в форме *схологlossия.

Терминоэлемент *-лект*. Модель с элементом *-лект*, который характеризуется дейктемой «языковое образование в пределах одного языка», сформировалась на основе заимствованного из древнегреческого языка термина *диалект* (слово ἡ διάλεκτος уже в греческом имело, наряду со значением «речевая манера», более специальное значение «язык местности, диалект») и приобрела популярность в современных социолингвистических исследованиях. Наряду со ставшими уже традиционными терминами *социолект* и *идиолект* при описании языковых ситуаций используются образования типа *демолект*, *этнолект*, *металект* [13]. По этой модели создан термин *технолект* в общей теории терминологии для обозначения разновидностей языка для специальных целей [14].

Начало популярному в современной лингвистической терминологии эмическому ряду (англ. *etic*, по удачному выражению К. Пайка) было положено термином *фонема* < греч. φωνήμα «голос, звук» (об истории этого термина см. [15]), в котором в результате неэтимологического членения был выделен комплекс *-ема*, характеризуемый дейктемой «указание на инвариантный характер обозначаемой единицы». Терминологическая самостоятельность терминоэлемента *-ема* проявилась, помимо семантической специализации, в полном отрыве от терминов на *-ма*, генетически сходных с термином *фонема* (*агма*, *зевгма*, *парадигма*, *синтагма*, *тема*, *рема*, *эпифонема*), и в приобретении собственно терминологической корреляции — элемента *алло-* (лингвистические термины с этим элементом впервые появились в 40-е гг. XX в. в работах американских дескриптивистов — см. [15, с. 15]). Дейктема терминоэлемента *алло-* «вариант, конкретная манифестация *эмы*» представляет собой трансфор-

мацию значения древнегреческого прилагательного ἄλλος «иной, другой» (ср. composita с первым компонентом ἄλλο-: ἄλλοεθνής «чужеземец», ἀλληγορία «иносказание», ἀλλοπάθεια «чужое воздействие»). И если до выхода модели за пределы фонологии и грамматики каждый эмический термин имплицировал алловариант, то после 60-х гг., когда возникла своеобразная гиперэмизация лингвистической терминологии, принцип терминологической номинации нарушился или, скорее, расширился. Это произошло за счет того, что элемент *-ема* стал конституировать синкретический термин, обозначающий одновременно и инвариант, и его реализацию, например, *таггема*, *таксема*, *граммема*. Поэтому ушли в прошлое требования наличия у *бихевиоремы аллобихевиоры*, у *эттеремы аллоэттеры* и т. п. [16]. Сказанное не означает, что гиперэмизация лингвистической терминологии представляет собой нормальный процесс; несмотря на расширение значения эмической модели и даже выход ее за пределы лингвистики (ср. *мифологема*, *философема*), *-ема* все-таки остается сигнализатором структурной единицы языка, поэтому образования типа *стиллема*, *функцема*, *социалема*, *экспрессема*, *эмотема* напоминают скорее образные терминоподобные наименования, нежели строгие, системно мотивированные термины.

Мы рассмотрели один аспект функционирования терминоподобных элементов — внутренний, т. е. с точки зрения самих процессов терминоподобного образования, приводящих к появлению терминологических рядов, которые представляют собой семантические корреляции терминов и тем самым образуют ядро всякой терминологической системы. Смысловая коррелятивность терминов в пределах терминологических рядов становится особенно ощутимой, если она находит и формальное выражение в структуре терминов (что бывает не всегда, ср. ряд *акут* — *циркумфлекс* — *гравис*, где семантическая коррелятивность терминов не отражена в их форме). Именно такие терминологические ряды возникают на базе рассмотренных моделей, в которых элемент-оформитель модели обеспечивает формальное и смысловое единство терминологического ряда, а элементы-заполнители создают собственно оппозиции (корреляции) членов этого ряда.

В заключение отметим еще один аспект функционального изучения терминоподобных элементов, который можно назвать внешним. Он предполагает анализ относительной продуктивности греко-латинских терминоподобных элементов не по отношению друг к другу (внутренний аспект), а по отношению к другим способам создания терминов в зависимости от научной парадигмы лингвистики в целом (в разные периоды ее истории) и в зависимости от конкретных парадигм отдельных лингвистических дисциплин и направлений (имеется в виду понятие научной парадигмы, введенное Т. Куном [17]). Этот вопрос заслуживает рассмотрения в отдельной работе, а здесь мы коротко изложим основные терминоподобные тенденции в некоторых областях современной лингвистики.

Ярким примером лингвистической дисциплины, строящей свою терминологию на греко-латинской основе, служит ономастика: из числа однословных терминов, приведенных в словаре Н. В. Подольской [18], 90% составляют термины на базе греко-латинизмов. Одним из главных принципов ономастической терминологии является построение термина по определенной модели с выделением типовых формантов, из числа которых можно назвать модели «элемент + *-оним*» (*гидроним*), «элемент + *-икон*» (*гидронимикон*), «элемент + *-ика*» (*гидронимика*) и т. д. [18, с. 9]. К отличительным особенностям ономастической терминологии принадлежит использование в ней маркированных элементов-квалитативов, с помощью которых в терминологическое поле ономастики вводятся общелингвистические термины в специализированном ономастическом значении (ср., например, *топооснова*, *антропоформант*).

Напротив, в генеративной лингвистике прослеживается противоположная тенденция, которую можно обозначить как тенденцию к созданию термина-метафоры на базе родного языка без привлечения греко-латинизмов (ср. англ. *target*, *victim*, *vine*), что отражается и в русской терминологии этого направления (ср. такие термины из словаря В. З. Демьянкова

[19], как *вбрасывание, дыры, затычки, кольцо, упаковка, обескровленный*). Терминообразование на базе греко-латинизмов в сфере указанного направления представлено в значительно меньшей степени, чем метафоризация; из продуктивных моделей можно выделить, пожалуй, только одну: «элемент + *дейксис*» (*аподейксис, парадейксис, продейксис* и др.).

Эти примеры показывают, что облик терминологии нового лингвистического направления или лингвистической дисциплины во многом определяется отношением к понятийному аппарату традиционной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
2. *Канделаки Т. Л.* Об одном типе словаря международных терминологических элементов. — ФН, 1967, № 2, с. 38.
3. *Григорьев В. П.* Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке. — ВЯ, 1959, № 1.
4. *Buck C. D., Petersen W.* A reverse index of Greek nouns and adjectives. Chicago, 1939, p. 124—125.
5. *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVII в. М. — Л., 1964, с. 199—200.
6. *Bloch O., Wartburg W.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1950, p. 535.
7. *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М., 1959, с. 7.
8. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1978, с. 5.
9. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885—1895.
10. *Ferguson C. A.* Diglossia. — Word, 1959, v. 15, № 4.
11. *Kloss N.* Notes concerning a language — nation typology. — In: Language problems of developing nations. New York, 1968, p. 7.
12. *Brann C. M. B.* Language influences on pre-adolescent Nigerian children: a typology. — Linguistics, 1975, № 158.
13. *Brann C. M. B.* Trilingualism in language planning for education in Sub-Saharan Africa. — UNESCO. Paris, 1981, p. 27.
14. *Lurquin J.* La néonymie scientifique et technique. — Infoterm, 1982, ser. 7, p. 291.
15. *Jones D.* The history and meaning of the term «phoneme». London, 1957.
16. *Ахманова О. С.* К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики. — ВЯ, 1961, № 5, с. 119.
17. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
18. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
19. *Демьянков В. З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Порождающая грамматика. — Тетради новых терминов, 1979, № 23.